

На конкурс „Твой современник“ АЛЕКСАНДР НИКИТИН СРЕДИ ЛЮДЕЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
СТРАНИЦА

РАССКАЗ

Начальник стройгруппы Анатолий Иванович Тушканов сидел в своем кабинете и постукивал ручкой по столу. Чернила с пера брызгали на бумагу, на пальцы, но он не замечал этого. Светлые, почти невидимые брови на белом, чуть удлиненном лице сдвинулись к переносице. Прядка русых волос свисала над правым глазом. Он кривил рот, дул себе под лоб. Прядка взлетала и снова опускалась.

Только сейчас рядом с ним вот на этих стульях сидели два человека, два пожилых плотника из бригады Воронкова. Сидели, курили «Север», рассказывали о своей бригаде. Потом они неторопливо встали, протянули ему по мозолистой крепкой руке, осторожно пожали его вот эту пухлую, почти женскую ладонь, и ушли. Ушли туда, к своим товарищам. Сейчас они будут перекуривать и рассказывать им как держался перед ними он, Тушканов, о чем говорил, что советовал. Кто-нибудь матюкнется в его адрес, а кто и по-человечески одобрит. Сколько у него этих разных людей с разными характерами, способностями, со своими семейными и личными судьбами, интересами.

И вот эти двое... Уж сколько с ними работал, а узнал, может быть по-настоящему, только сегодня, сейчас. Так что мудрено ли было проморгать этого Воронкова, который работает-то всего два месяца?

А ведь Воронков показался ему тогда таким деловым, напористым человеком. Как он воевал и доказывал, например, здесь, чтобы получить квартиру, и получил ее, как рассказывал о своем бригадирстве на стройке в Братске и добился-таки своего: стал бригадиром и здесь.

А он любил напористых, верил им и знал, что на работе такие люди будут гореть за свое дело и пусть хлопотно, но зато интересно с ними работать. «Выходит, обманули тебя, как мальчишку, Анатолий Иванович, а? А может быть ты уже не умеешь разбираться в людях и надо тебе уходить с этой работы по-добру по-здорову, пока не попросили свисте?»

Тушканов встал и задумчиво походил по комнате. Он был небольшого роста и даже этот небольшой кабинет казался для него слишком просторным. Узкие, покатые плечи как-то сходились к груди, или, может быть, он просто сутулился. Серый костюм был подогнан прямо по фигуре, наивно, усилиями жены или мастера. Керзовые сапоги по щиколотку были в грязи и глине — такая уж хлякая должность. В дверь постучали. Вошла секретарша.

— Анатолий Иванович, вы просили характеристику Воронкова? Тушканов схватил стандартный канцелярский листок, быстро пробежал глазами и с досадой бросил на стол.

Ну что в этом листочке? Разве увидишь истинное лицо и поведение человека? Он посмотрел на часы, влез в плащ, нахлобучил ворсистую шляпу и вышел.

Моросил мелкий осенний дождь, пепельная облачность затянула все небо. Плакаты и лозунги, старые и новые, призывы о выполнении плана к Октябрьской годовщине, поздравления ударников коммунистического труда. По ним стекали длинными подтеками разноцветные дорожки.

«Хоть бы ветра немного», — подумал Тушканов, отыскивая место посуше, — надоела эта ежедневная водолейка и план из-за нее летит к черту! На голых ветвях деревьев еще кое-где висели одинокие желтые сморщенные листья. Они вздрагивали, как живые.

В котловане будущей «градирни» плотники бригады Воронкова вели опалубку под основной бетон. Тушканов на глаз определил, что сделано уже много и если поспешить чуть-чуть, то «градирня» может вытянуть весь план к октябрьским праздникам.

«Но как они вяло работают», — Тушканов зябко поежился, — или погода на них действует или неурядицы с бригадиром, но так работать нельзя. И Воронкова не видать... Вот черт, бросил своих ребят под дождем, бежал сукин сын».

— Эгей, Иван Петрович, где бригадир? — крикнул он, свесив голову над котлованом. С края опущенной шляпы побежала тонкая струйка воды.

— Кто его знает! — откликнулся пожилой рабочий. Где-нибудь в теплом местечке сидит с чертежами, он любит с ними возиться. «Так и знал!» — Тушканов

снял шляпу, встряхнул. Словно с мокрой собаки полетели брызги.

— Иван Петрович, через полчаса собери ребят в курилке, поговорим.

— Ладно, соберу. Не надевая шляпы, Тушканов пошел в контору и начал звонить насчет бетона, досок и других материалов. К нему заходили мастера, бригадиры, рабочие, отвлекали разными вопросами. Он решал их как каждый день, легко вникая в мелкие детали, но сейчас не было удовлетворенности от этого, его все время подмывало вскочить и броситься туда, к «градирне».

Вся бригада Воронкова была в сборе. Молча курили. Воронков сидел в сторонке и теребил тесемки коричневой папки с чертежами. Он чуть пригнулся вперед и недобро поглядывал из-под длинного козырька черного кепи пуговками коричневых глаз.

Тушканов сразу понял, что до его прихода они уже крепко понапались: лица плотников хмурые и недовольные.

— Садись сюда, Анатолий Иванович, — встал Борис и прислонился к стене, длинный, худой.

— Ну так что будем делать? Вижу уже поговорили, к какому решению пришли?

— Давайте нам другого бригадира, — сказал Борис и сел на корточки, будто переломился на три части.

Всегда молчали, нервно и быстро заговорил Николай:

— Я не буду работать с бригадиром, который только и умеет командовать, а от Воронкова мы больше ничего и не слышим. Он ни разу никому не посоветовал как лучше и быстрее работать, а ведь нас тут больше половины ремесленников...

— Вас достаточно учили в ремесленном училище и я не вижу смысла тратить время на объяснения, — перебил Воронков.

— Ты требуешь от нас быстро, а сам даже топора в руки не возьмешь, а у тебя седьмой разряд! — Иван Петрович, помолчав, продолжил, — у тебя седьмой разряд, а это значит, что ты высококвалифицированный плотник, а вот что ты умеешь делать, я еще ни разу не видел, может быть и зря носишь такой разряд?

— Разряд мне присвоила квалификационная комиссия и не вам судить достоин я его или нет, — лишь Воронкова покраснело, на лбу появились капельки пота, он волновался, — у нас план работ очень большой, и если я буду каждому показывать как делать,

то мне не уследить за всеми. Анатолий Иванович, я не могу выслушивать подобные претензии.

— В такой бригаде, как наша, бригадир не освобождается от работы, — проговорил старый плотник Иван Петрович, — и ты это должен знать.

— Раз меня назначили бригадиром, значит вы должны подчиняться мне, иначе будет не бригада, а сборище.

— Ну, уж ладки! — крикнул Борис, — ты даже не здороваясь с нами, когда приходишь на работу, нас задержишь и начинаешь приказывать: этот иди туда, ты делай то, а сам ручки в брючки и пошел шляться где-то... Тут словно прорвало всех. Зашумели и закричали, перебивая друг друга.

— Не вам меня учить, — крикнул Воронков и вскочил с места, — я везде считался хорошим работником, а тут мне подсунили какой-то сброд из малышей и стариков, которые только и умеют кричать, а не работать...

Тушканов поморщился и, поднявшись, недовольно сказал: — Прекратите! Что это за базар? Я понял, что вы не хотите Воронкова и раз уж начались антипатии, то вам вместе не работать. А нашей стройке нужна дружная и работающая бригада. Кого вы хотите иметь своим бригадиром? Все молча стали смотреть друг на друга, вопрос ведь был какой, не ошибиться бы. А Тушканов переводил взгляд с одного лица на другое и ему казалось, что это не просто бригада плотников, а целое самостоятельное государство, решающее сейчас свой важный жизненный вопрос.

Борис негромко, словно советуясь, проговорил: — Вот если бы попробовать Ивану Петровичу, а ребята? Ведь он умеет делать все, а как толково объясняет нам, а ребята? — Конечно, его!

— Давай Ивана Петровича! — Берис, Иваныч, мы будем работать, как слоны!

— Ладно! — Тушканов стукнул кулаком по своей ладони, — все согласны за Ивана Петровича, я и сам его хорошо знаю и выбор одобряю, но смотрите, чтобы не повторилось подобной истории.

Тушканов пошел к двери. — Анатолий Иванович, переводите меня в другую бригаду, — тихо сказал Воронков, я уже не могу здесь...

Тушканов остановился, с любопытством взглянул на Воронкова, странный человек, только что хорохорился, ничего не хотел признавать, а сейчас... или мы все такие, когда нас крепко побьют?

— Да, да, Воронков, разумеется. Но бригадиром вы работать не будете, сначала заслужите доверие рабочих, да и в себе полностью разберитесь.

Анатолий Иванович вышел, прикрыв за собой железную дверь, прочитал меловую надпись: «Курить здесь, понятно?» Усмехнулся и пошел на другие объекты.

Редактор В. М. ШУРАЕВ.

Администрация, партийная и профсоюзная организации комбината, заводской комитет ВЛКСМ выражают глубокое соболезнование начальнику отдела управления главного энергетика секретарю партийной организации Бойченко Г. С. по поводу смерти его матери БОЙЧЕНКО Анастасии Романовны.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 24 октября
12.00 — для школьников «За страницами вашего учебника», 12.30 — художественный кинофильм «Чапаев», 19.00 — «Мир за неделю», 19.10 — урок английского языка (передача седьмая), 19.30 — клуб «Родник» (для татаро-башкирского населения), 20.20 — художественный кинофильм «Чапаев».

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 октября
19.00 — новости, 19.10 — кинофильм «Знамя партии», 19.30 — передача «Новое на предприятиях города», 19.45 — «По вашим заявкам», художественный кинофильм «Гамлет».

ПИСЬМА
ПРИХОДИТ
ЗВОНИТ

Наш адрес

Левый берег, ул. Кирова, 97, (гостиница, 2-й этаж). Телефоны 3.38.04, 3.31.33, 3.47.04, 3.07.98.

Осень. Глубокая осень. От первых заморозков пожелела трава на полянах, под напором холодного ветра сбросили свой осенний наряд деревья. Озябла, поникла березка — вечный символ русской красоты.

Я смотрю на это одинокое деревце. Много выпало испытаний на его долю, но ничто не сломило и не поколебало тягу к жизни. Когда-то, никем не защищенная березовая веточка, упорно боролась с суровой стихией и победила, выжила.

Пусть эта березка не такая стройная, как ее подруги, выросшие в тенистых рощах, но, когда придет весна, она снова распушит свои янтарные косы и приветливо склонится к путнику.

ВО ПОЛЕ БЕРЕЗОНЬКА СТОЯЛА...

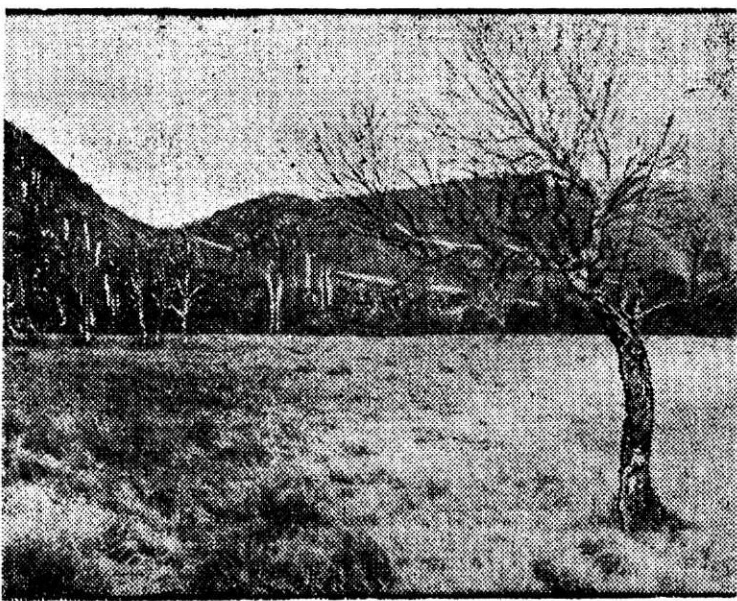

Фото и текст И. Надина.

СТИХИ ЛЕОНИДА ЧЕРНЫШЕВА

Я от стихов хочу лишь одного,
Чтоб вечно к ним тянуло,
как к любимым.
Не к тем,
что час волнуют лишь всего,
А к самым
дорогим, неповторимым.

СЫНАМ ВЬЕТНАМА

Далекая,
но славная страна,
Я о тебе
лишь знаю по газетам.
Ты проливаешь кровь.
Тебе война
Отрезала дорогу
к счастью,
Твой сын
в руках сжимает автомат.
Огонь войны
клокочет,
пули свистят.
Прижатые к земле
враги лежат, —

Они на ней
свою погибель ищут.
Они
найдут,
и потому
Вьетнам,
Солдата руку
мысленно сжимая,
Я говорю:
прекрасная страна,
Тебе
победы
сердцем я
желаю!
Мой стих,
орленком
вырвавшись из рук,
Лети к бойцам
и в бой зови,
как знамя...
Далекий,
но как
искренний твой друг
Я шлю тебе привет,
солдат Вьетнама.

Сергею Есенину

Сергей Есенин...
С ним, друзья.
Легко
шагается по свету.
И потому
люблю и я
Жизнелюбивого поэта.
Ну, кто б из нас
подумать мог,
Что в век
и трудный,
и суровый
Обыкновенный паренек
Планету тронул
нежным словом?
Так пусть к его подножью
мир
Кладет цветы живые снова.
Он был в России ювелир
Неувядающего слова.